

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

РУСАЛКА В НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПЕРСПЕКТИВЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ОБРАЗА)¹

Представления о русалках — мифологических персонажах, духах в женском облике — в разных областях России существенно различаются. Русалка является одним из наиболее вариативных, полисемантических образов славянской мифологии. Неоднозначны представления о местах обитания русалок, их происхождении, внешнем облике, отличительных признаках, способностях, характерных занятиях, отношении к человеку. На основе полевых этнографических материалов были выявлены некоторые локальные особенности представлений о русалках у русских, украинцев и белорусов в Западной Сибири. Эти различия прежде всего связаны с местами происхождения предков сибиряков — сибирских старожилов или переселенцев из различных регионов России, Украины и Белоруссии. Преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. Традиционные верования старожилов (потомков русских переселенцев конца XVII — XVIII в.) о русалках оказались утраченными или сильно измененными. Сибирские «новоселы» (потомки переселенцев рубежа XIX–XX вв.), напротив, помнят немало историй о русалках, встречах с ними. Наиболее яркие и разнообразные сюжеты сказочной устной прозы были записаны у сибирских украинцев. В представлениях сибиряков русалка утратила способность влиять на урожай (в отличие от верований жителей западных и южных областей Европейской России). В Западной Сибири местом обитания русалок считают водоемы, однако в русальскую неделю их можно встретить в лесу, поле, на огороде или в бане. Внешне русалки существенно различаются: они бывают как привлекательные, так и страшные. Природно-географические факторы и особенности ландшафта также косвенно повлияли на возникновение сюжетов о русалках и варианты развития их образов. Использование метода картографирования для обработки данных полевых этнографических материалов позволило наиболее полно воспроизвести картину локализации мифологических представлений, отобразив специфику тех или иных региональных особенностей образа русалки: ее внешнего облика, характеристик, функций, фольклорных сюжетов.

Ключевые слова: славянская мифология, народные верования, русалки, календарная обрядность, региональная специфика, Западная Сибирь, этнографические полевые материалы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-144-152

Введение

Представления о русалке — мифологическом персонаже, духе в женском облике — в разных областях России существенно различаются. Русалка является одним из наиболее вариативных, полисемантических образов славянской мифологии. Неоднозначны представления о местах обитания русалок, их происхождении, внешнем облике, отличительных признаках, способностях, характерных занятиях, отношении к человеку. «Известно, что одним и тем же именем в разных локальных традициях могут обозначаться разные мифологические персонажи, причем их отличия друг от друга могут касаться не только частных характеристик, но и существенных, определяющих черт. С другой стороны, под разными именами могут выступать мифологические персонажи, тождественные по сумме своих основных характеристик» [Виноградова, Толстая, 1994, с. 19–20]. Так, параллельными наименованиями русалок у русских являются: водяница (водяниха), купалка, шишига, чертовка, шутовка, лесная девка, фараон (фараонка), лобаста, лоскотуха и др. [Зеленин, 1995, с. 142–148; Черепанова, 1983, с. 34–35; Виноградова, Толстая, 1994, с. 19–21; Власова, 1998, с. 452, 453, 508 и др.], различающиеся не только по ономазиологическому статусу, но и по функциям, признакам, локализации персонажей.

¹ Работа написана по гранту РНФ, проект 14-50-00036.

Цель работы заключается в выявлении локальной специфики представлений о русалках и связанных с ними сюжетов устной несказочной прозы у восточно-славянского населения Западной Сибири.

Результаты статьи могут послужить источником для картографирования. В данной работе представлен первый этап междисциплинарного исследования, который представляет собой анализ полевых этнографических материалов с учетом вероятного влияния природно-географических факторов и особенностей ландшафта на развитие и изменение образов русалок, а также сюжетов о них в Западной Сибири. В дальнейшем планируется составить карты, отображающие региональную специфику народных верований о русалках; на них будут отмечены населенные пункты в Западной Сибири, где записаны рассказы об этих персонажах. На данном этапе работы представлены результаты исследований, которые выявили определенные различия мифологических воззрений о русалках у этнолокальных групп восточно-славянского населения Западной Сибири. Исследование построено на комплексе методов: сравнительно-историческом, реконструкций и картографирования.

Картографирование — один из методов анализа информации (в том числе полевых материалов) как визуального отображения любых реальных или абстрактных явлений в принятой системе условных знаков. Это метод моделирования, визуализации, графической репрезентации любой пространственно-локализованной информации в соответствии с задаваемыми параметрами с целью познания изображенных явлений. Кроме того, картографирование служит методом графического, семантического, знакового описания, систематизации любых материальных и абстрактных объектов, позволяющим через сопоставление ряда элементов последовательно описывать, группировать и обобщать исходные данные для построения моделей объектов. Картографирование дает возможность обеспечить легкость понимания конструируемых явлений. Картографические модели можно систематизировать, взяв за основу сам объект, характер того информационного массива, с которым исследователю предстоит работать, а также вид репрезентации информации [Скалабан, 2012, с. 62–65]. Таким образом, использование метода картографирования для обработки данных полевых этнографических материалов позволит наиболее полно воспроизвести картину локализации мифологических представлений, отобразив специфику тех или иных региональных особенностей образа русалки: ее внешнего облика, характеристик, функций, фольклорных сюжетов.

Объектом исследования являются сельские жители, преимущественно старшего поколения (от 60 лет и старше) — потомки переселенцев из европейской части бывшей Российской империи. Исследования проводились в Тюменской (ХМАО — Югра, ЯНАО), ряде районов Омской, Новосибирской областей и Алтайского края (этнографические экспедиции ИАЭТ СО РАН, 1999–2015 гг.: ПМА).

Происхождение и внешний облик сибирской русалки

Западно-сибирский материал представляет собой довольно разнообразную, пеструю картину народных верований о русалках, в том числе об их происхождении и внешности (о представлениях восточных славян о русалках подробнее см.: [Зеленин, 1995, с. 141–295; Померанцева, 1975, с. 17–21; Виноградова, 1986, с. 88–133; Виноградова, Толстая, 1990, с. 99–118; Агапкина, 2002, с. 340–372; и др.]). В Западной Сибири, как и в Европейской России, происхождение русалок, часто связывали с преждевременной смертью молодых девушек, умерших до замужества, в большинстве случаев — с утопленницами. Поэтому в описании информантами облика русалки практически всегда проглядывали черты покойника — демонические и пугающие (рис. 1). В совокупном описании внешности русалки можно выделить следующие характерные признаки, наиболее часто упоминаемые информантами: неестественная (для живого человека) бледность, синеватый или зеленоватый цвет кожи, распущенные длинные волосы (зеленые, светлые, рыжие, русые, золотистые, черные), страшный взгляд, свечение глаз, длинные острые ногти или когти как у животного, длинные (иногда способные растягиваться) руки, белая одежда, напоминающая саван. Появление русалки, как и покойника, могло сопровождаться ощущением холода, озноба, чувства «жуткого» страха. *Русалок боялись, они как покойники. Говорят, в них утопленницы превращаются, кто свою жизнь покончил, а ведь это большой грех, вот и нет им покоя на том свете. Шастают по ночам, людей пугают, могут и до смерти загрызть* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневичи, 2005). *Русалку видели. Вся в белое одета, сидит на камне у воды и волосы чешет, гребнем расчесывает. Повернулась, а лицо*

белое как мука и взгляд такой страшный. А вокруг как будто свечение идет, какое-то зеленое. Глянула на нас и бултых в воду. Нас как будто холодом изнутри обдало, домой скорей побежали (ПМА: Алтайский край, Первомайский р-н, с. Березовка, 2009). У нас тут один рассказывал, за ним русалка гналась от самого озера. Пошел ночью рыбачить, а она из воды выходит, страшная, вся голая, волосища длинные и глаза горят. Он побежал, она за ним, до самого дома. Говорит, не бежала, а неслась скачками, будто прыгала. Он забежал в ворота, закрылся, а она через ограду к нему руки тянет, такие длинные, прямо как змеи вытягиваются, за мужиком ползут. Когти на руках как ножи острые. Успел в дом забежать, молитву до утра читал, потом весь дом освящали (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Верх-Урюм, 2002).

Рис. 1. Русалка. Рисунок Г.М. Сангатулина.

Вместе с тем на основе полевых материалов у разных этнографических групп можно выделить различные черты облика русалки, нередко противоположные. Они могли быть как привлекательными, так и безобразными. Такое различие, вероятно, было связано с происхождением информантов и обычно соответствовало традиционным представлениям тех мест, откуда переселились в Сибирь их предки (подробнее см.: [Виноградова, Толстая, 1994, с. 22; Фурсова, 2007, с. 126–128]). Некрасивыми и уродливыми, косматыми, с большими обвислыми грудями, порой чудовищами-людоедами, русалки представлялись потомкам переселенцев с Русского Севера, из Поволжья, Приуралья, некоторых центральных областей России, Белоруссии. *Русалки — то нечистая сила. Ходят грязные, косматые. Зубы у них острые, так и клацают, а глаза как угли горят, страшно. Раньше детей русалками пугали, чтоб на речку не шли* (ПМА: Новосибирская обл., Болотнинский р-н, д. Баратаевка, 2013). *Россобага в огороде меж гряд сидит. Она-то и есть самая русалка. Она зверь страшной, лохматый. Полуженщина, полужверь. Детям одним нельзя в огород ходить. Утащит в омут и съест* (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Лянино, 2002). Потомки южнорусских и украинских переселенцев, напротив, представляли русалок молодыми красивыми девушками, трагически погибшими (утопившимися) из-за несчастной любви или жестокости мачехи. *Жила у нас в селе одна ведьма, воспитывала падчерицу. Хотела, чтобы та тоже сильно умной стала (научилась колдовать — пояснение информанта), послала ее в купальскую ночь искать цвет папоротника. Но девочка не хотела ночью в лес идти, пошла и в реке утопилась. Говорят, ее потом русалкой на том месте часто видали* (ПМА:

Русалка в народных верованиях восточных славян Западной Сибири...

Новосибирская обл., Мошковский р-н, д. Глядень, 2000). В селах сибирских украинцев были записаны истории, напоминающие по сюжету «Майскую ночь» Н.В. Гоголя, но повествующие о событиях, якобы происходивших в данной местности и претендующие на достоверность (ПМА: Новосибирская обл.: Карасукский, Краснозерский, Здвинский, Мошковский р-ны; Омская обл.: Калачинский, Нижнеомский р-ны).

Русалками могли стать дети, проклятые родителями, а также «обещанные» или «подаренные» нечистой силе. *В речке у нас, в Ине, жили русалки. Мама рассказывала, раньше жил в нашем селе мужик, была у него жена беременная. Вот пошел он как-то рыбачить. Сидит он в лодке, рыбу удит, а нечистая сила стала лодку качать, переворачивать. Он говорит: отпустите! А они: подари, чего дома у себя не знаешь. Мужик подумал, что он дома все знает, да и согласился. Пришел домой, а жена у него девочку родила. Черти его все донимали, чтобы он ее им отдал, раз обещал. Мужик тот дочку не отдал. Сам перестал рыбачить, ей к реке подходить запретил. Исполнилось девочке десять лет, она пошла на речку и утопилась. Все говорили, что раз подарил ее отец нечистой силе, то все равно бы ей не жить* (ПМА: Новосибирская обл., Мошковский р-н, д. Глядень, 2000).

Сибирские старожилы (потомки русских переселенцев конца XVII — XVIII в.) утратили значительную часть традиционных верований, связанных с русалками. «Убежденность значительной части старожилов в невозможности обитания русалок в Сибири основана на рассуждениях о морозных зимах, во время которых реки покрыты льдом. В тех местностях, где фиксируются русалки, они представлялись лохматыми и косматыми из-за необходимости утепляться в суровых климатических условиях, где невозможно существовать голым, что их объединяет с севернорусскими традициями» [Фурсова, 2007, с. 128]. Согласно нашим полевым материалам, с одной стороны, вопросы о русалках вызывали ассоциации с образами, известными по произведениям литературы, искусства или СМИ. С другой стороны, у сибирских старожилов русалка наделалась характеристиками ведьмы-оборотня. В ряде районов Западной Сибири были записаны былички о встречах с русалками, которые превращались в животных (лошадь, жеребенка, теленка, собаку, свинью), птиц (курицу, утку, кукушку, ворону) или предметы растительного происхождения (сток сена).

Одним из признаков, определяющим вторичную сакрализацию образа русалки, который «возвращается» в сюжеты устного народного творчества из художественной литературы, может быть наличие рыбьего хвоста у данного персонажа. Необходимо подчеркнуть, что хвост не фигурировал в описаниях русалок информантами старшего поколения, относившимися к этнографическим группам русских «новоселов» (потомков переселенцев рубежа XIX–XX в.), сибирских украинцев и белорусов.

У сибирских украинцев была записана псевдобиблейская легенда о происхождении русалок-фараонков в оригинальной интерпретации. *Бабушка нам рассказывала. Раньше, совсем давно было. В какой-то стране издевались над христианами. Заставляли их босыми ногами глину месить. А туда, в глину, набьют стекла. А они босиком месили эту глину вместе с кровью. Бог пожалел их. Ладно, говорит, послал там одного от себя. Скажи, говорит, этим людям, что их через море надо перевезти. — А как же, Господи, я их переведу? Тут же море вон какое! А он (Господь-то) говорит: ты пойди, возьми палку длинную, вдарь по морю, так вода расступится. Значит, вы идите по дну морскому. Только скажи этим людям — пусть не оглядываются. Если кто оглянется — там и останется. Ладно, шли они, шли, половину пути уже прошли. Некоторым охота было оглянуться. Как так: идем по дороге, а где же вода? И вот половина народу уже перешли, а половина — как оглянулись, так и остались там, в море. Вот и стали они русалками, которые там остались. И женщины, и мужчины — все, которые оглянулись* (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Хапово, 2002). Примечательно, что Дарья Ивановна Стрельцова (1913 г.р., д.ф. Кононенко), которая рассказала эту легенду, отрицала наличие хвоста у русалок.

В то же время представления о русалках-фараонках были известны жителям Русского Севера и Северо-Запада и, кроме апокрифических сказаний, «фараонов» (полулюдей-полурыб) можно было встретить в произведениях народного изобразительного искусства: их изображения украшали оконные наличники домов, называли их *фараонами* или *берегинями* [Померанцева, 1975, с. 16–21; Власова, 1998, с. 508–511]; в западных областях России известны мифологические воззрения о *сиренах*, отличающихся от русалок рыбьим хвостом [Черепанова, 1983, с. 35]. Таким образом, присутствие хвоста в описании русалки могло быть связано как с художе-

ственно-литературным влиянием, давшим толчок для вторичной сакрализации образа данного персонажа, так и с севернорусскими традициями. Однако в Сибири традиция изображения *берегинь-фараонов* не прижилась, как и легенда о «потонувшем фараоновом войске» не получила широкого распространения, поэтому более убедительной (хотя не абсолютной) я считаю свою гипотезу о том, что наличие рыбьего хвоста в описаниях русалок сибирскими старожилками может быть своеобразным маркером вторичной сакрализации их образов.

Локализация и время появления русалок: региональные различия

Исследователи славянских народных верований неоднократно ставили задачу определить принадлежность русалок к земной или водной стихиям, которая не имела однозначного ответа [Зеленин, 1995, с. 141–295; Гринкова, 1947, с. 88–133; Померанцева, 1975, с. 16–21; Виноградова, 1986, с. с. 88–133; Дынин, 1994, с. 111–119; и др.]. На Русском Севере «образ русалки раскололся на ряд отдельных персонажей, чаще всего по месту обитания русалок — в воде и на суше. Лесные девки, красны девки <...>, с одной стороны, водяная женщина, водяница — с другой,— модификации одного персонажа...» [Черепанова, 1983, с. 35]. В центральных и южных областях России русалки могли одновременно считаться как водными, так и лесными или полевыми. Южнорусская русалка была связана с культом растений, плодородия, влаги, духом водоемов; В.Я. Пропп ее сравнивал с персонифицированной стихией природы [2000, с. 92–93]. В Западной Сибири представления о способности русалок влиять на природу и плодородие сохранились рудиментарно — в обрядах весенне-летнего периода (подробнее см.: [Любимова, 2004, с. 186–190; Фурсова, 2003, с. 5–17, 33–56; и др.]). В сюжетах несказочной устной прозы русалка чаще всего связана с водоемами. Наиболее распространенный мотив таких сюжетов — сидящая на камне у воды русалка, расчесывающая волосы. По рассказам сибирских украинцев и белорусов, русалку также можно встретить в лесу, поле, на огороде или в бане, но только в период ее особой активизации — в *русальскую* неделю. *Заглянула в четверг в баню, а там русалка сидит, вся косматая. Глазища на меня выпучила, я дверь закрыла и бежать, не оглядываясь* (ПМА: Новосибирская обл., Краснозерский р-н, с. Светлое, 2004).

Время активизации русалок — *русальская* (*русалья*) неделя — обычно неделя накануне Троицы, однако в некоторых местах этот период считается после дня Пятидесятницы. Русалки также активны в ночь на Ивана Купалу (7 июля) или накануне (на Аграфену Купальницу), в это время молодежь собиралась на гулянья — на полянах, лугах, обычно около водоемов: водили хороводы, прыгали через костер; женщины собирали травы и утреннюю росу — для использования в народной магии и медицине. Купальские гулянья проводятся в наши дни как фольклорные праздники, инсценировки (рис. 2). Девушки приносили русалкам жертвы — оставляли на берегах ленты, бусы, отрезки ткани («русалке на рубашку»); пускали по воде венки (рис. 3, 4), по которым также гадали о своей судьбе.

Рис. 2. Хоровод. Праздник Ивана Купалы в музейном комплексе «Малые Корелы». Архангельск, 2009 г. Фото к.и.н. Т.Н. Золотовой.

Русалка в народных верованиях восточных славян Западной Сибири...

Рис. 3. «Пускание венков» по реке во время праздника Ивана Купалы в музейном комплексе «Малые Корелы». Архангельск, 2009 г. Фото к.и.н. Т.Н. Золотовой.

Рис. 4. Венки, пущенные по воде. Архангельск, «Малые Корелы», 2009 г. Фото к.и.н. Т.Н. Золотовой.

Некоторые локальные особенности представлений о русалках могли быть связаны с местностью: природно-географические факторы и особенности ландшафта косвенно повлияли на присутствие русалок и варианты развития их образов. Например, в местности, окруженной болотами, считали, что русалки заманивают людей в непроходимые топи, что коррелируется с традиционными представлениями белорусов о «болотных злыднях». *Русалки на болотах сидят, нельзя туда ходить вечером. По грибы или за клюквой всегда ходим с утра пораньше, чтобы вернуться засветло. Как только стемнеет, русалки из болота вылезают, могут схватить и в трясины утянуть* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Васисс, 2005). Близость реки или озера с омутами, сильным течением могла стимулировать возникновение историй о водных духах, обитающих в этом водоеме, особенно, если там кто-нибудь утонул. *Там в речке тракторист утонул, люди говорили, будто на том месте русалку видели. Теперь там не купаются, а раньше ничего, все спокойно было, пока не было утопленника* (ПМА: Новосибирская обл., Искитимский р-н, с. Нижний Коен, 2001). *Одна девушка утонула в озере и превратилась в русалку. Теперь в этом озере живет, ночами на берег выходит, сидит у воды, многие ее видели* (ПМА: Новосибирская обл., Карасукский р-н, д. Кукарка, 2004). То есть, возникновение быличек о русалках могло быть ситуативным.

Заключение

На основе полевых материалов были выявлены некоторые локальные особенности представлений о русалках у русских, украинцев и белорусов в Западной Сибири. Эти различия пре-

жде всего связаны с местами происхождения предков сибиряков, откуда родом были их прадеды — сибирские старожилы или переселенцы из различных регионов России, Украины и Белоруссии. Преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. У старожилов (потомков русских переселенцев конца XVII — XVIII в.) традиционные верования, связанные с русалками, были практически утрачены или сильно изменились. Сибирские «новоселы» (потомки переселенцев рубежа XIX–XX вв.), напротив, сохранили в памяти немало историй о русалках, встречах с ними. Наиболее яркие и разнообразные сюжеты несказочной устной прозы были записаны у сибирских украинцев. В представлениях сибиряков русалка утратила способность влиять на урожай (в отличие от верований жителей западных и южных областей Европейской России), сохранились лишь рудиментарные признаки воздействия на природу в обрядах весенне-летнего календарного цикла. В Западной Сибири считалось, что русалки обитают в основном в водоемах, однако в *русальскую неделю* диапазон мест возможных встреч с ними расширялся. Внешне русалки существенно различались: иногда их представляли привлекательными девушками, иногда — безобразными. Русалки считались страшными персонажами, опасными для человека, их соотносили с нечистой силой.

Природно-географические факторы и особенности ландшафта также косвенно повлияли на представления о присутствии русалок и варианты развития их образов. Близость болота, реки или озера с омутами, сильным течением могло стимулировать возникновение историй о водных духах, особенно если в водоеме кто-нибудь утонул. Таким образом, мифологизация местности и появление сюжетов несказочной устной прозы о русалках могли быть ситуативными.

Анализ полевых материалов, проведенный на первом этапе исследования, открыл перспективы для картографирования этнографических данных, отражающих региональные особенности народных верований образа русалки в Западной Сибири (ее внешнего облика, характеристик, функций, мест обитания, фольклорных сюжетов), которое позволит наиболее полно воспроизвести и систематизировать картину локализации мифологических представлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агапкина Т.А. Мифозэпические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
- Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М.: Наука, 1986. С. 88–133.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Мотив «уничтожения — проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М.: Наука, 1990. С. 99–118.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
- Власова М.Н. Русские суеверия: Энцикл. словарь. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.
- Гринкова Н.П. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области // СЭ. 1947. № 1. С. 178–184.
- Дынин В.И. Некоторые особенности мифологического образа русалки у восточных славян // ЭО. 1994. № 6. С. 111–119.
- Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири: XIX — начало XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 240 с.
- Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.
- Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). М.: Лабиринт, 2000. 176 с.
- Скалабан И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журн. исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 61–78.
- Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — первая треть XX вв.). Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 268 с.
- Фурсова Е.Ф. Антимир в мифологических образах русалок: (Севернорусские и сибирские параллели) // Рябининские чтения — 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007. С. 126–128.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: ЛГУ, 1983. 169 с.

**A MERMAID IN FOLK BELIEFS OF EAST SLAVIC PEOPLES IN WESTERN SIBERIA
(PROSPECTS OF MAPPING THE LOCAL ASPECTS OF THE IMAGE)**

Beliefs about mermaids, mythological characters, spirits in the female form, vary considerably across different regions of Russia. A mermaid is one of the most variative, polysemantic images of Slavic mythology. The beliefs about habitats of mermaids, their origin, appearance, features, abilities, specific occupations, attitudes to people are ambiguous. Some local features of the beliefs in mermaids among Russian, Ukrainian and Bielorusian population in Western Siberia have been identified on the basis of the field ethnographic materials. These differences are primarily related to the regions of origin of the ancestors of the Siberians, to places where their great-grandparents (Siberian long-term residents, or immigrants from different regions of Russia, Ukraine and Belarus) were born. The continuity of traditional culture among the villagers contributed to the preservation of folk beliefs, characteristic of a particular region. Traditional beliefs of old-timers (descendants of the Russian immigrants of the end of XVII — beginning of XVIII centuries) in mermaids were lost or heavily modified. On the other hand, Siberian «new settlers» (descendants of the immigrants of the end of XIX — beginning of XX centuries) remember a lot of stories about mermaids and meeting them. The brightest and diverse stories of oral non fairy-tale prose have been recorded according to the information provided by Siberian Ukrainians. The mermaids in Siberian beliefs lost their ability to affect the harvest (in contrast to the beliefs of the population of western and southern regions of European Russia). In Western Siberia the mermaids are believed to inhabit the ponds, but during a *mermaid week* they can be found in the forest, field, in the garden or in the Russian sauna. The appearance of the mermaids differs significantly: they can be attractive or terrifying. Natural and geographical factors, and landscape features also influenced indirectly the occurrence of stories about mermaids and variants of development of their images. The use of mapping method for data processing of field ethnographic materials lets us most fully reproduce the picture of localization of mythological concepts, displaying specificities of various regional features of the mermaid image: its appearance, characteristics, functions, folk stories.

Key words: Slavic mythology, folk beliefs, mermaids, seasonal rituals, regional specificity, Western Siberia, ethnographic field materials.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-144-152

REFERENCES

- Agapkina T.A., 2002. *Mifoepicheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara: Vesenne-letnii tsikl* [Myth and epic foundations of the Slavic folk calendar: Spring-summer period], Moscow: Indrik, 816 p.
- Cherepanova O.A., 1983. *Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa* [Mythological lexis of the Russian North], Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet, 169 p.
- Dynin V.I., 1994. Nekotorye osobennosti mifologicheskogo obraza rusalki u vostochnykh slavian [Some peculiarities of mermaid images in East Slavic mythology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 111–119.
- Fursova E.F., 2003. *Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavianskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodejstviia (konets XIX — pervaja tret' XX vv.). Chast' 2: Obychai i obriady letne-osennego perioda* [Seasonal customs and rites of the East Slavic peoples of Novosibirsk region as a result of inter-ethnic cooperation (in end of 19th — the first third of the 20th centuries). Part 2: Customs and rites of the summer-autumn period], Novosibirsk: IAET SO RAN, 268 p.
- Fursova E.F., 2007. Antimir v mifologicheskikh obrazakh rusalok: (severnoruskie i sibirskie paralleli) [Inverted world in mythological images of mermaids: (Northern Russian and Siberian analogies)]. *Riabininskie chteniia — 2007*, Petrozavodsk: Karel'skii NTs RAN, pp. 126–128.
- Grinkova N.P., 1947. Obriad «vozhdzenie rusalki» v sele B. Vereika Voronezhskoi oblasti [The rite «walking with a mermaid» in the village of B. Vereika of Voronezh region]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 178–184.
- Liubimova G.V., 2004. *Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniia Sibiri: XIX — nachalo XX veka* [Symbolism of age groups in the culture of seasonal feast of the Russian population of Siberia: 19th — early 20th centuries], Novosibirsk: IAET SO RAN, 240 p.
- Pomerantseva E.V., 1975. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore], Moscow: Nauka, 192 p.
- Propp V.Ia., 2000. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [Russian agricultural feasts: (An effort of historical and ethnographic research)], Moscow: Labirint, 176 p.
- Skalaban I.A., 2012. Sotsial'noe kartirovanie kak metod analiza sotsial'no-territorial'nogo prostranstva [Social charting as a method of analysis of social and territorial space]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, vol. 10, no. 1, pp. 61–78.

О.В. Голубкова

Vinogradova L.N., 1986. Mifologicheskii aspect polesskoi «rusal'noi» traditsii [Mythological aspect of the «mermaid» tradition in Poles'e]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Dukhovnaia kul'tura Poles'ia na obshcheslavianskom fone*, Moscow: Nauka, pp. 88–133.

Vinogradova L.N., Tolstaia S.M., 1990. Motiv «unichtozheniia — provodov nechistoi sily» v vostochnoslavianskom kupal'skom obriade [The motif of «annihilation — expelling of evil forces» in East Slavic Kupala rites]. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury: (Pogrebal'nyi obriad)*, Moscow: Nauka, pp. 99–118.

Vinogradova L.N., Tolstaia S.M., 1994. K probleme identifikatsii i sravneniia personazhei slavianskoi mifologii [Problem of identification and comparison of characters in Slavic mythology]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Verovaniia. Tekst. Ritual*, Moscow: Nauka, pp. 16–44.

Vlasova M.N., 1998. *Russkie sueverii: Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian superstitions: Encyclopedic dictionary], St. Petersburg: Azbuka, 672 p.

Zelenin D.K., 1995. *Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki* [Studies in Russian mythology: Those who died an unnatural death and mermaids], Moscow: Indrik, 432 p.